

Об авторе

Линь Хайинь (настоящее имя – Линь Ханьин) родилась в 1918 году в японском городе Осака, но своей родиной считает город Мяоли на Тайване, где она жила с трех лет. В пятилетнем возрасте Хайинь переехала с родителями в Пекин, в котором в общей сложности прожила 25 лет. Здесь она выросла, получила образование, затем работала, здесь же вышла замуж и стала матерью, а в 1948 году вернулась на Тайвань и занялась литературным творчеством.

За полвека плодотворной работы Линь Хайинь написала более сорока весьма необычных произведений, открыла для читателей множество имен талантливых литераторов, подготовила к печати несколько сотен сборников лучших произведений разных авторов. Своим писательским, редакторским и издательским трудом она внесла огромный вклад в развитие литературы тайваньского региона. В последние годы жизни писательница взялась за установление и развитие литературных и издательских связей между Тайванем и материковым Китаем, став в этой сфере первопроходцем.

На протяжении тридцати лет госпожа Линь была главным составителем учебников родной словесности для первого и второго классов тайваньских начальных школ. Она вдохнула в скучные и однообразные учебные пособия яркость и живость детской литературы, пробуждая интерес и любовь к ней у маленьких школьников.

Писательница создавала произведения самых разных жанров: художественную прозу, эссе, детские произведения, пьесы и сценарии, составляла материалы по истории литературы. Особой любовью у читателей и исследователей творчества Линь Хайинь пользуется ее ставший классикой автобиографический роман «Странные дела к югу от города»,

в котором действие происходит на юге Пекина в 20-е годы XX века, а повествование ведется от лица смысленной маленькой девочки Инцзы. Сквозь призму чистого и трогательно-наивного детского взгляда мы видим трагедии и радости мира взрослых, наблюдаем раскрытие человеческих характеров. Впервые роман был издан на Тайване и сразу стал бестселлером, завоевав внимание исследователей китайской литературы во всем мире. Книгу перевели на английский, японский, немецкий, французский и итальянский языки, она много раз удостоивалась международных литературных премий, а в начале 80-х годов XX века шанхайский режиссер У Игун снял по ней одноименный фильм, который вызвал огромный интерес у китайских зрителей и получил множество крупных международных наград.

Линь Хайинь ушла из жизни в декабре 2001 года в Тайбэе, в возрасте 83 лет. Считается, что вырастил ее Пекин, а Тайвань сделал знаменитой. В памяти читателей она осталась писательницей, которая в своих произведениях запечатлела образы Пекина и Тайваня, отразив подлинный смысл происходивших там событий и истинные чувства живших там людей.

Зимнее солнце. Детство. Верблюжий караван

В город пришел караван верблюдов и остановился у наших дверей.

Выстроившись в длинную вереницу, животные молчаливо ждали команду хозяина. Погода стояла сухая и холодная. Погонщик стянул с головы войлочную шапку, и от его лысины пошел белый горячий пар, который растворялся в сухом холодном воздухе.

Папа стал торговаться с погонщиком. На горбатые спины верблюдов были навьючены по два холщовых мешка. Я задумалась: что же в них лежит? Может, первоклассный чай с гор Чжуннаньшань? Или «черные драгоценные камни»? Я часто видела эти три иероглифа, выведенные черным на белых стенах городских складов угля. Именно уголь в мешках и оказался. Погонщик сказал, что они пришли из района Мэньтоугоу — шли и шли себе потихонечку.

Другой погонщик подозвал верблюдов и насыпал им корму. Животные, подогнув передние копыта и выпятив зады, опустили на колени. Папа договорился о цене, и люди принялись разгружать уголь, пока животные утоляли голод.

Я стояла перед верблюдами и наблюдала, как они пережевывают пищу: безобразная морда, длинные зубы. С невозмутимым видом они жевали корм, скрипя зубами; из их ноздрей вырывался пар, а на губах выступила пена. Я так увлеклась этим зрелищем, что сама непроизвольно задвигала челюстью.

Учитель говорил, что у верблюдов стоит поучиться спокойствию и невозмутимости. Они никогда не спешат, не суетятся, неспешно ступают и неспешно жуют; они знают, что рано или поздно дойдут, рано или поздно наедятся. Вероятно, медлительность этих животных и есть их природная суть, поэтому они так нелепо выглядят, когда при виде повозки вдруг пускаются бежать.

Я всегда заранее знаю о приближении каравана, потому что на длинной шее у верблюда, возглавляющего табун, подвешен колокольчик,

повзякивающий при ходьбе. Когда мне что-то непонятно, я задаю вопросы. Вот и в этот раз я спросила:

— Зачем верблюду колокольчик?

Папа сказал, что верблюды боятся волков, потому что те могут их покусать, вот люди и надевают верблюдам на шею колокольчик. Заслышав его звон, волки понимают, что верблюды находятся под защитой людей, и не решаются нападать.

Однако я своим детским сознанием воспринимала всё совсем иначе, чем взрослые, поэтому возразила:

— Да нет же, пап! Когда они своими мягкими копытами ступают по такому же мягкому песку в пустыне, их совсем не слышно. Ты же сам говорил, что верблюды могут три дня и три ночи обходиться без воды, им достаточно потихоньку пережевывать пищу, которую они достают из желудка. Наверно, просто погонщики в пути не могут подолгу выносить этой тишины, вот и вешают на шею верблюдам колокольчики, чтоб было хоть немного повеселее.

Папа задумался и улыбнулся:

— Может, ты и права, твоя версия куда красивее.

Зима близилась к концу, ей на смену спешила весна, солнце пригревало, так что люди все чаще снимали ватные куртки. Даже верблюды начали избавляться от своей старой шерстяной одежды! Шерсть клочьями слезала с них и болталась под брюхом. Так и хотелось взять ножницы и срезать эти клочья — уж очень неопрятно они смотрелись. Погонщики сняли с себя надетые наизнанку овечьи шкуры и навьючили их на спины верблюдов: «черные драгоценные камни» были распроданы, мешки давно опустели, и колокольчик теперь звенел еще звонче.

Настало лето, верблюды больше не появлялись, и я спросила маму:

— А куда они уходят летом?

— Кто?

— Да верблюды же!

Не зная, что ответить, мама проворчала:

— Вечно сплошные «куда» да «почему»! Почемучка маленькая!

Лето прошло, а за ним и осень. Опять настала зима, и верблюжий караван вернулся. Вот только детство уже не воротить. Конечно, теперь я выше всяких глупостей вроде наблюдения за жующими верблюдами. Но до сих пор я ощущаю тоску по детству, проведенному на юге Пекина, по пекинским улочкам и тем людям, что ходили по ним. И я решила обо всем этом написать книгу. Пусть детство ушло безвозвратно, но оно всегда будет жить в моей душе.

Так и появился роман «Странные дела к югу от города».

Я неспешно вспоминала и потихоньку записывала. Перед моим взором вновь ожили верблюжьи караваны под зимним солнцем, а мой слух вновь уловил плавный и мелодичный звон колокольчиков. Детство вернулось и наполнило душу.

Постоялый двор «Хуэйаньгуань»

1

Солнечный свет врывается через оконное стекло в комнату и заливал белую стену, стол с тремя ящиками и мою кроватку. Я проснулась, но всё еще валялась в постели, наблюдая за пылинками, кружащимися в солнечных лучах. Пришла няня Сун, прошлась метелкой из куриных перьев по подоконнику и по столу, подняв в воздух еще больше пылинок, и в лучах солнечного света они закружились еще отчаяннее. Я торопливо натянула на себя одеяло, укрывшись с головой, чтобы не вдохнуть пыль и не начать чихать.

Метелка в руках няни тем временем заплясала по моей кровати, прошлась по ее краям и углам, а ее ручка застучала по деревянным прутьям в изголовье. Я уже хотела возмутиться, но няня Сун опередила меня:

— Ах ты, соня! — и откинула одеяло, а я, оставшись лежать в одной пижаме, дважды чихнула.

Няня Сун заставила меня подняться и одела в новые ватные куртку и штанишки с узором. До чего же это были смешные штанишки! Поставишь их на пол, а они так и стоят — столько хлопка набито в штанины!

Мама сидела у жаровни и расчесывалась, слегка наклонившись вперед. Она водила гребнем по густой копне волос, которые перекинула через плечо на грудь. На жаровне стояло розовое масло для волос: из-за холода оно застывало, и, чтобы можно было им пользоваться, приходилось растапливать его на жаровне.

За окном ярко светило солнце, на голых ветвях расселись не испугавшиеся холода птички. Я задумалась: интересно, а здесь деревья когда покрываются листьями? Это была наша первая зима в Пекине.

Мама растолковывала няне Сун, что нужно купить на рынке. Она еще не освоила как следует пекинский диалект, и вместо «Купи полкило свинины, но не очень жирной» выдала: «Купи полкило свинины, не очень дырной».

Закончив приводить волосы в порядок, мама провела масляной рукой по моей голове и заплела мне волосы две косички. Я увидела, что няня Сун с корзиной в руках собралась выходить и закричала:

— Няня Сун, я с тобой пойду!

— А не боишься той сумасшедшей с постоянного двора «Хуэйняньгуань»? — поддразнила няня.

Няня Сун была родом из уезда Шуньи и плохо знала пекинский диалект, поэтому у нее получалось «Хуэйняньгуань», в то время как мама произносила «Хуэйвагуань», а папа — «Фэйняньгуань». Я же в подражание соседским детям говорила «Хуэйняньгуань». Какой из вариантов верный, понятия не имею.

Но с чего я должна бояться той сумасшедшей? Она мне вчера даже улыбнулась! Улыбка у нее удивительная, и, если бы мама меня не увела, взявши за руку, я бы точно подошла к ней и заговорила.

«Хуэйаньгуань» располагался в начале нашего переулка, три каменные ступени вели к двустворчатой черной двери в глубине дверного проема, над которым была прибита горизонтальная табличка: «Постоялый двор “Фэйаньгуань”». Когда мы проходили мимо, папа учил меня читать, что на ней написано. Папа говорил, что здесь живут студенты из места под названием Фэйань, которые, как мой дядя, приехали учиться в университете.

— В Пекинском университете, как дядя? — спрашивала я.

— Не только. В Пекине много университетов, еще есть университет Цинхуа и Яньцзиньский университет.

— А можно мне пойти в «Фэйань...», то есть в «Хуэйаньгуань» — поиграть с теми дядями?

— Еще чаво! — Этой фразой на диалекте хакка папа отвечал на все мои просьбы. А я подумала, что когда-нибудь всё равно взойду по тем каменным ступеням и пройду через те чернющие ворота.

Сумасшедшую из «Хуэйаньгуаня» я видела неоднократно, и всякий раз, если она стояла в дверях, няня Сун или мама стискивали мою руку и шептали: «Сумасшедшая!» Мы обходили ворота вдоль противоположной стены, а если я оглядывалась, меня одергивали за руку. Вообще-то сумасшедшая на вид была самой обычной девушкой с заплетенными в толстую косу волосами, умащенными маслом. Таких можно увидеть в любой семье. Она всегда стояла у ворот, прислонившись спиной к стене, и наблюдала за прохожими.

Вчера мы с мамой ходили на улицу Ломаши. Маме нужно было купить пудру для лица, а мне ужасно нравились тамошние засахаренные сливы. На обратном пути мы прошли по переулку Вэйжань, затем по улице Сицаочан и вышли к колодцу в переулке Чуньшу. Переулок, где мы жили, начинался почти напротив колодца. Я заметила сумасшедшую сразу, как только оказалась в переулке. На ней были бордовая ватная куртка и темные меховые туфли, лоб прикрывала челка, в косу был вплетен

ярко-красный шерстяной шнурок. Она поигрывала кончиком косы, впившись застывшим взглядом в старую акацию, что росла во дворе напротив. На высохших ветвях акации сидели несколько ворон. В переулке не было ни души.

Опустив голову, мама что-то бормотала, наверно, подсчитывала, сколько денег сегодня потратила, чтобы отчитаться потом перед папой, который во всем проявлял щепетильность. В общем, мама, занятая подсчетами, не заметила, как мы приблизились к «Хуэйвагуаню». Я шла за мамой следом и так засмотрелась на сумасшедшую, что сама не заметила, как остановилась. В это время взгляд сумасшедшей скользнул вниз, и она уставилась прямо на меня, словно пытаясь что-то прочесть на моем лице. Сама она была мертвенно-бледной, кончик ее носа слегка покраснел (наверно, от ледяного ветра), тонкие губы были плотно сжаты, но вдруг дрогнули. Она пару раз моргнула и заулыбалась, будто хотела что-то сказать. Отпустив косу, девушка протянула ко мне руку и поманила к себе. У меня по всему телу пробежала холодная дрожь. Будто зачарованная, я уже собралась сделать шаг навстречу манящей руке и улыбке, как вдруг мама обернулась и резко схватила меня за руку:

— Ты чего это?

— А? — Я словно пребывала в тумане.

Зыркнув на сумасшедшую, мама спросила:

— Ты чего дрожишь? Ты испугалась? Писать хочешь? Скорее обратно! — Она с силой потянула меня за руку и увела.

Когда мы вернулись домой, перед глазами у меня еще долго стоял образ сумасшедшей. А ее улыбка — ну не чудная ли? «Эй!» — окликнула бы я ее, если бы решилась с ней заговорить. Интересно, как бы она отреагировала? Погруженная в свои мысли, я не стала ужинать. К тому же я переела засахаренных слив. Однако мама после ужина сказала няне Сун:

— Инцзы, похоже, очень напугана.

Няня вскипятила воду и приготовила мне сахарный сироп, затем напоила меня им и отправила спать, велев хорошенько укутаться в одеяло...

Но вернемся к тому моменту, когда мама заплела мне косички и я с няней Сун пошла на рынок. Няня шла впереди, а я — за ней следом.

Передо мной маячили ее отвратительные ватные штаны черного цвета, с ужасно толстыми и широкими штанинами, подвязанными на щиколотках. Мама слышала, что в Пекине служанки вечно всё воруют: украдут рис — и за пояс, рис падает в штанины, а чтоб он не высыпался наружу, штанины подвязывают. Уж не наш ли рис в просторных штанинах у няни Сун?

Проходя мимо постоянного двора, я заметила, что его чернющие ворота распахнуты настежь, а в проеме стоит жаровня, на которой что-то готовят родители сумасшедшей. Ее папу все звали «привратник Лао-Ван», потому что он сторожил ворота постоянного двора. Жила его семья в помещении, расположенном прямо рядом с выходом в переулок. Няня Сун не давала мне даже взглянуть на сумасшедшую, а сама только и делала, что шпионила и расспрашивала о ней — тайком от меня, разумеется, но я всё равно об этом знала. Сейчас взгляд няни Сун тоже устремился во двор «Хуэйаньгуаня». В этот же момент мама сумасшедшей подняла голову, и обе одновременно сказали: «Эй, вы как, кушали сегодня?» Папа говорит, пекинцы с утра до ночи бездельничают, поэтому в любое время суток, встретив на улице знакомого, интересуются только тем, поел ли он.

Выйдя из переулка, мы прошли немного на юг и оказались у колодца. Тут повсюду была вода, которая местами покрылась тонкой корочкой льда. Туда-сюда сновали тележки-одноколки. Каждый хозяин толкал свою тележку, вращая задом, поэтому раздавался такой отвратительный скрип, что хотелось зажать уши. Двое стояли прямо у колодца, доставали оттуда воду и переливали ее в огромную бадью. Наполнив бадью, воду за деньги развозили по домам. Недалеко от колодца жила моя подруга Нью-эр, одного со мной роста. Я остановилась у колодца и решила дождаться ее прямо здесь, а няне сказала:

— Няня Сун, ты ступай на рынок, а я подожду Нью-эр.

Впервые мы встретились с Нью-эр в мелочной лавке. В тот день у нее в руках были две пиалы и монетка в двадцать вэней, она попросила соевый соус, уксус и лук, а приказчик сказал ей в шутку:

— Нью-эр, спой сперва, а то не отпущу!

У девочки в глазах заблестели слезы, она взмахнула руками, чуть не пролив уксус. В душе моей поднялся невыразимый гнев, я сразу же подскочила к ней и, подбоченившись, обратилась к приказчику:

— Чего это вы ей условия ставите?

Вот так я и познакомилась с Нью-эр.

У нее волосы были заплетены в единственную коротенькую и отдающую в желтизну косичку — прямо как собачий хвостик, который мама купила мне в храме Земли.

Во второй раз я увидела Нью-эр, когда стояла у колодца и наблюдала, как из него достают воду. Она подошла и молча встала рядом со мной, мы улыбнулись друг другу, не зная, что сказать. Наконец я не выдержала и потрогала ее жиденькую косичку, а она опять мне улыбнулась и, указав назад, тихо спросила:

— Ты в том переулке живешь?

— Ага.

— А в каком доме?

Я вытянула перед собой руку и стала подсчитывать на пальцах:

— Первый, второй, третий, четвертый... В четвертом. Приходи в гости.

Она покачала головой:

— У вас там сумасшедшая живет, меня мама не пустит.

— Ну и что, она же не кусается.

Нью-эр снова с улыбкой покачала головой.

Когда она улыбалась, у нее под глазами, с обеих сторон у носа, появлялись две ложбинки. По-моему, они смотрелись очень мило, но няня Сун однажды сказала хозяину мелочной лавки:

— Девчушка вроде и симпатичная, да уж больно хиленькая, а глазенки прозрачные, будто вода. Гляди-ка: и под глазами складки.

А я так полюбила Нью-эр, что словами не передать! Любила я ее за тихий и мягкий нрав — не то что у меня. Няня Сун всё время делала мне замечания: «Опять скачешь? Всё скачешь и скачешь, егоза маленькая». В тот день Нью-эр немножко постояла со мной у колодца, а потом тихонько сказала:

— Пора домой, меня отец ждет, распеваться надо. До завтра!

Так мы с Нью-эр уже несколько раз встречались у колодца. Стоило вдалеке замелькать ее курточке, как душа моя наполнялась радостью, но сегодня Нью-эр так и не появилась. Я была расстроена из-за того, что не увиделась с ней. В кармане моей кофточки лежал маленький сверток с оставшимися засахаренными сливами — я хотела угостить Нью-эр. Сунув руку в карман, я аж вспотела от испуга: бумага порвалась, и карман теперь был весь липкий. Когда няня Сун будет стирать эту кофту, я точно получу нагоняй.

Устав стоять у колодца, я побрела в сторону дома. Жаль, что я не смогла поделиться с Нью-эр своей идеей: чтобы попасть ко мне домой, ей не обязательно проходить мимо дома с сумасшедшей, она может зайти в мой переулочек в обход, по другому переулочку, который с ним пересекается.

Погруженная в раздумья, я поравнялась с воротами постоянного двора «Хуэйаньгуань» и вдруг услышала:

— Эй!

Как же я перепугалась! Меня окликнула сумасшедшая. Закусив нижнюю губу, она улыбалась мне. Глаза ее были почти прозрачными, а под ними, когда она улыбалась, появлялись складки — точь-в-точь как няня Сун описывала! Мне уже очень давно хотелось рассмотреть ее поближе. Взгляд мой был прикован к ней, а ноги сами подошли к ступеням постоянного двора. Солнце освещало ее лицо: обычно мертвенно-бледное, сегодня оно будто светилось изнутри. Она взяла мою руку в свою ладонь — такую теплую и мягкую. Я обернулась в сторону переулочка, но там никого не было. Чудно — я боюсь не сумасшедшую, а того, что другие увидят, как я держусь с ней за руки.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

— М-м-м... Шесть.

— Шесть лет! — удивленно воскликнула она, опустила голову, потом вдруг отодвинула мою косичку и стала рассматривать сзади мою шею, как будто что-то там искала.

— Нет, не то, — пробормотала она. — Ты не видела нашу Коричку?

— Коричку? — переспросила я, сбита с толку.

В это время в воротах появилась мама сумасшедшей. Нахмурившись, она озабоченно сказала:

— Сючжэнь, хватит пугать ребенка!

А потом обратилась ко мне:

— Не слушай ее, она вздор несет! Ступай домой! А то мама небось беспокоится. Слышишь меня, а?

И замахала на меня руками, чтобы я шла домой.

Я подняла глаза на сумасшедшую. Теперь мне было известно, как ее зовут — Сючжэнь. Всё еще держа меня за руку, она легонько покачивала ее, не желая меня отпускать. Ее улыбка добавила мне смелости, и я ответила ее маме:

— Не пойду!

— Ах ты, южная дикарка! — рассмеялась женщина, легонько коснувшись моего лба. Похоже, это было ругательство — таким же пренебрежительным тоном папа часто говорил маме: «Эти чертовы северяне»!

— Ладно, можешь здесь поиграть, но когда за тобой придут, не говори, что это наша дочь тебя позвала.

— Конечно, не скажу!

Будет она мне тут указывать! Сама знаю, что можно говорить, а чего нельзя. Когда мама тайком раздобыла себе золотой браслет и спрятала его в своей шкатулке, я же не рассказала об этом папе!

— Пойдем!

Сючжэнь потянула меня во двор. Я думала, мы идем играть с дядями из университета, но она привела меня в сторожку, где жила вместе с родителями.

У них в доме было не так светло, как у нас. Окно малюсенькое, а под ним огромный кан, по центру которого стоял низенький столик. На нем я увидела принадлежности для рукоделия и коробку с иголками и нитками. Сючжэнь взяла со столика недоштую кофточку, приложила ко мне так и сяк и радостно сообщила своей маме, которая в этот момент входила в комнату:

— Матушка, глядите, я же говорила: как раз впору! Остался еще вотничок.

С этими словами она взяла шнурочек и замерила им мою шею. Пока Сючжэнь это делала, я могла видеть только картину на стене. На картине был изображен пухлый младенец с белоснежной кожей, абсолютно голенький, с большим драгоценным слитком в руках и верхом на громадной красной рыбине.

Сючжэнь повернулась ко мне, заметила, что я что-то рассматриваю, и, проследив за моим взглядом, поняла, что я смотрю на картину.

— Можешь залезть на кан и посмотреть поближе, — предложила она. — Гляди, какая наша Коричка упитанная. Ей было всего семь-восемь месяцев, а она уже на золотой рыбке каталась по дому, так ей было весело, что она даже поесть отказывалась, шалунья...

Сючжэнь говорила так увлеченно, что я слушала, разинув рот, но тут вошел сторож Лао-Ван:

— Ну, хватит, хватит! Как не стыдно! — нетерпеливо воскликнул он, зыркнув на дочь.

Но та, не обратив на отца ни малейшего внимания, подтолкнула меня к кану, чтобы я разулась и смогла рассмотреть картину поближе.

— Даже есть не ела, — продолжала Сючжэнь, — и не одевалась, как была голенькая, так и выбежала на улицу. Всё не терпелось ей найти своего папу. Говорила же ей сто раз, что он сам вернется, а она не слушала. Тогда я сказала: «Дождись хоть, когда я тебе одежки нашью, оденешься и пойдешь!» Маечку и кофточку дошила, а вот на жилетку осталось пуговицы пришить. А на курточку осталось только ворот пришить. Ну вот что за спешка была! Ничего не понимаю, что же это такое... — говорила Сючжэнь и вдруг замолкла, понурила голову и, видимо, задумалась о том, чего не понимала.

Она сидела в оцепенении довольно долго. Я подумала: может, она со мной в дочки-матери поиграть решила? Ее мама ведь предупреждала, что она не всерьез говорит. Раз мы играем в дочки-матери, то у меня есть для этого игрушки: наручные часики, игрушечные счеты, колокольчик. Я могла бы их принести сюда, и мы поиграли бы вместе. Поэтому я сказала:

— Ну ничего, я подарю Коричке наручные часы, с ними она будет знать, когда пора возвращаться домой.

Тут я подумала, что мама, возможно, уже послала няню Сун меня искать, и добавила:

— Да и мне пора домой.

Услышав, что я ухожу, Сючжэнь очнулась и, спускаясь с кана следом за мной, сказала:

— Вот здорово, спасибо тебе! Увидишь Коричку, скажи, чтоб шла домой, а то холодно, да передай ей, чтоб не боялась, я не стану ее ругать.

Я кивнула в знак согласия, словно и впрямь есть какая-то Коричка, которую я знаю.

Выйдя от Сючжэнь, я думала о том, как интересно было бы играть с ней, говорить о воображаемой Коричке, шить для Корички одежду. Почему соседи не пускают своих детишек к Сючжэнь? Да еще называют ее сумасшедшей? Я оглянулась и увидела, что она опять стоит, прислонившись к стене, и смотрит мне вслед! Я так обрадовалась, что побежала вприпрыжку.

Подходя к дому, я увидела, как няня Сун выменивает у какой-то старухи всякое старье на спички: под навесом валялись корзина для бумаги, старые кожаные ботинки и пустые бутылки.

Войдя в свою комнату, я отыскала в шкафу возле кровати наручные часы. Это были миниатюрные круглые золотые часики, инкрустированные блестящими драгоценными камушками. Стрелка давно перестала двигаться. Мама говорила, что надо бы часы починить, да так и оставила их лежать. Они мне очень нравились, я часто их надевала, играла с ними, и со временем они стали моими. Пока я стояла у стола и вертела часики в руках, с улицы через окно до меня долетели обрывки диалога няни Сун со старухой-старьевщицей. Я прислушалась.

— А потом? — спросила няня.

— Потом, — отвечала ей старуха, — студент уехал, да так и не вернулся! Перед отъездом он клялся, что, как доберется до дома, сразу займется покупкой земли, а через месяц приедет и женится на ней по всем

правилам. Ах, как складно говорил! Да вот она уже шесть лет его ждет! Так умом и тронулась — я свидетель. А ведь какая красавица...

— Что же дальше-то делали? Она родила?

— Ну да! Студент-то когда уезжал, мать еще не знала, что дочка по-несла, а как стало заметно живот, отправила ее рожать на родину их семьи, на приморское кладбище.

— На кладбище?

— Которое на их родине, в уезде Хуэйань. Хуэйаньцев, которые в Пекине умерли, хоронят на том кладбище. Семья Ван ухаживает за тамошними могилами еще со времен деда Сючжэнь, а потом ее отца прислали сюда привратником, и тут такая история случилась!

— Семья из Хуэйнаня, стало быть. А далеко он от нас, этот Хуэйань? Почему они так долго в Пекине живут, на родину не возвращаются?

— Очень далеко!

— А дите куда дели, когда она родила?

— Дите-то... Запеленали младенца крепко-накрепко, как только родился, и отнесли к воротам Цихуамэнь еще до рассвета, да там у стены и оставили! И где он теперь, никто не знает — может, бродячие собаки сожрали, а может, кто и подобрал.

— А девица с тех пор-то и сошла с ума?

— Ага, с тех пор, с тех пор! Ах, как жалко мать с отцом, у них же только она одна и есть!

Тут женщины замолкли. Я в это время уже стояла прямо у ворот, чтобы лучше слышать. Няня Сун пересчитывала коробки с красноголовыми спичками марки «Даньфэн», в то время как старуха с энтузиазмом запихивала в свою корзину охапки рваной бумаги, хлюпая вытекающими из носа прозрачными соплями. Няня Сун снова заговорила:

— В следующий раз стружки тебе достану. Так, значит, сумасшедшая и ее родители — земляки твои?

— Дальние родственники! Третья дочь второго дяди моей тетки по материнской линии приходится теткой сумасшедшей, она по-прежнему присматривает за могилами.

Тут няня Сун заметила меня:

- Опять подслушиваешь!
- А я знаю, о ком вы говорите, — откликнулась я.
- О ком же?
- О Коричкиной маме.
- О Коричкиной маме? — Няня захохотала. — Ты тоже умом тронулась? Какая еще Коричкина мама?
- Я расхохоталась вслед за няней — уж я-то знаю Коричкину маму!

2

Установилась теплая погода, и больше не нужно было носить толстую ватную куртку. Только по утрам и вечерам, когда было прохладно, я набрасывала сверху легкую мягкую ватную жилетку. Обувалась я теперь в новенькие матерчатые тапочки с черными кожаными носами. Тетя Ван — мама Сючжэнь — при виде моих новых тапочек сказала:

— Какие жесткие тапочки! Скорее порог наш разобьешь, чем они порвутся!

Я стала частым гостем в «Хуэйаньгуане». Ворота постоянного двора всегда были нараспашку, поэтому я в любое время могла туда проскользнуть. Именно «проскользнуть», потому что я всё время боялась, что меня увидит кто-то из моих домашних. Они знали только, что я часто хожу на рынок с няней Сун, чтобы встретиться у колодца с Нью-эр. Но как только няня исчезала за дверью мелочной лавки, я сразу же сворачивала к нашему переулку и шла в «Хуэйаньгуань».

Сегодня Сючжэнь в доме не было. На столике на кане стояла большая стеклянная банка, в которой плавали несколько золотых рыбок. Я спросила тетю Ван:

- А где Сючжэнь?
- В боковом дворе!
- Пойду поищу.
- Не ходи, она сейчас придет, подожди лучше здесь. Погляди, какие рыбки!

Я приблизила лицо к банке и заглянула в нее. Золотые рыбки плавали и разевали рты, глотая воду. Глядя на них, я и сама невольно начала разевать рот. Иногда какая-нибудь рыбка подплывала ко мне, и мы смотрели друг на друга через стекло — нос к носу! Я встала на колени на краю кана и любовалась рыбками, пока не затекли ноги. Сючжэнь всё не шла.

Тогда я села поудобнее и подождала еще немного. Так и не дождавшись Сючжэнь, я потеряла терпение, выскользнула из дома и направилась в боковой двор. Мне кажется, он всё время был заперт: никогда не видела, чтобы кто-то туда ходил. Я осторожно толкнула ворота и вошла. Двор оказался очень маленький, там росло дерево, уже покрытое молодой листвой. В углу землю устилали сухие и наполовину сгнившие листья. Похоже, Сючжэнь занималась уборкой, но сейчас она с веником в руках стояла под деревом, прислонившись к стволу, и подолом утирала слезы. Я тихонько подошла к ней и заглянула в ее глаза. Не знаю, заметила ли она меня — на мое появление она никак не отреагировала. Вдруг Сючжэнь повернулась лицом к дереву и, обхватив руками ствол, зарыдала.

— Коричка, Коричка, — повторяла она, — зачем же ты ушла от мамы? Сколько обиды звучало в ее голосе, сколько печали!

— Как же ты без меня дорогу найдешь, далеко ведь! — рыдала она.

Моя мама говорила, что мы приехали издалека, что наша родина очень далеко отсюда, на каком-то острове, со всех сторон окруженном водой. Оттуда мы плыли на большом пароходе, потом ехали до Пекина в огромном поезде. Я спрашивала маму, когда мы поедем домой, и она отвечала, что не сейчас. Ведь мы так долго сюда добирались, проживем здесь подольше. Интересно, где находится то «далеко», о котором Сючжэнь говорит? Это так же далеко, как наш остров? Как же Коричка одна туда доберется? Мне было очень жаль Сючжэнь, а при воспоминании о незнакомой мне Коричке я почувствовала, как на мои глаза навернулись слезы. Сквозь затуманенный взор мне вдруг показалось, что я снова вижу того упитанного малыша верхом на рыбе — он же и впрямь совсем без одежды!

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru